

Ежегодно, начиная с 1996 года, в конце декабря мы спрашиваем у россиян, как они оценивают уходящий год: каким он был лично для них и для страны и какие в целом ожидания – оптимистичные или пессимистичные – у наших сограждан относительно наступающего года. В конце 2005 г. такие замеры проведены в десятый раз, и в целом динамика этих оценок является отражением надежд, разочарований, потрясений, пережитых Россией за последнее десятилетие*.

Последние пять лет этого десятилетия для России – не только хронологически “другое время” по сравнению с последними пятью годами ушедшего столетия. Это еще и другое социально-политическое время: в конце 1999 г. бывший президент России Б. Ельцин представил стране В. Путина как своего преемника. Весной 2000 года, который можно считать переходным, он стал вторым избранным президентом России.

Посмотрим, как менялись оценки россиянами ситуации в стране и в своей семье за истекшие пять лет и насколько 2005 год отличается от 2001-го – по субъективным оценкам наших сограждан на фоне объективных данных.

С. Климова

Первые годы нового века: *итоги и надежды*

2001 год стал для россиян переломным не только в условной шкале летосчисления, но и в реальных, ощутимых для каждого условиях жизни

Уровень жизни россиян в первой пятилетке нового столетия

Статистики утверждают, что 2001 год для россиян стал переломным не только в условной шкале летосчисления, но и в реальных, ощутимых для каждого условиях жизни. В последние пять лет росли все показатели социально-экономического развития страны.

Постоянным был рост реальных доходов населения (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен). В среднем он составлял 11% в год (*табл. 1*).

С начала нового столетия постепенно снижался уровень безработицы, хотя показатели его снижения в данных статистики выглядят не слишком впечатляюще (*табл. 2*). Но особенность российского рынка труда в 90-е годы заключалась в том, что чрезвычайно распространенным явлением была скрытая безработица. Расчеты специалистов показывают, что с 2000 года снижается и численность работников, занятых неполное время по инициативе администрации, и численность тех, кому были предоставлены административные отпуска по инициативе администрации [Суринов А. 2003. С. 76].

Постепенно снижается в эти годы и численность населения с доходами ниже прожиточного минимума. В 2000 году таких было 41,9 миллиона (28,9%).

* См. в данном номере тему “Итоги года” на цветной вкладке. В дальнейшем ссылки на соответствующие опросы приводятся без указания дат.

Табл. 1. *Реальные доходы населения**

% к каждому предыдущему году

2000	2001	2002	2003	2004	2005
112	109	111	115	108	109
❖ Данные для 2000–2004 гг. приведены по: [Россия в цифрах. 2005. С. 100]. Данные для 2005 г. приведены по: http://pda.utro.ru/news					

Табл. 2. *Доля безработных**

% к численности экономически активного населения

2000	2001	2002	2003	2004
9,8	8,9	8,6	7,8	7,9
❖ Данные приведены по: [Россия в цифрах. 2005. С. 79]				

В 2001 г. – 27,3%, в 2002 – 24,2%, в 2003 – 20,3%, а в 2004 – 17,8% [Россия в цифрах. 2005. С. 101].

Хотя и медленно, но неуклонно снижалась инфляция: так, на декабрь 2000 года она составляла 20,2%, на декабрь 2001 года – 18,6%; для 2002, 2003 и 2004 гг. эти показатели составили 15%, 12%, и 11,7 соответственно [Россия в цифрах. 2005. С. 32]. В 2005 г., по словам премьер-министра М. Фрадкова, инфляция снизилась до 11%*. Для сравнения: в 1997, 1998 и 1999 годах инфляция в РФ составляла 21,8%, 84,4% и 36,5% [Суринов А. 2003. С. 25].

Примерно на 10–11% в год росла реальная заработная плата, и на 5–6% увеличивались пенсии и другие государственные социальные платежи. Одновременно устойчиво снижалась и просроченная задолженность по заработной плате [Россия в цифрах. 2005. С. 105]. Задержки по выплатам пенсий и пособий удалось практически полностью ликвидировать в 2001 г.

Но экономисты отмечают, что, несмотря на рост в последние пять лет показателей, характеризующих уровень жизни населения России, уровень реальных денежных доходов россиян остается крайне низким. Он примерно на четверть ниже уровня, сложившегося к началу периода экономических реформ**.

Покупательная способность населения по важнейшим видам продовольственных товаров остается на уровне начала 1980-х годов, несмотря на ее рост в последние годы.

Суммарные доходы домохозяйств лишь к 2002 году достигли уровня 1996 г. [Козырева П. и др. 2002. С. 164]. При общем снижении уровня бедности не изменилась ее структура. «Постоянно бедными» остаются чаще многодетные и неполные семьи. Продолжает сохраняться и большая доля работающих бедных.

Таким образом, судя по данным статистики, материальные условия жизни россиян в последние пять лет медленно, но неуклонно улучшались. Вместе с тем остающаяся весьма значительной доля бедных и большая имущественная дифференциация в стране создают предпосылки для социальной нестабильности. Статистика демонстрирует, что дифференциация граждан по доходам за последнее пятилетие не только не сократилась, но даже увеличилась. Средний уровень денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами превышал аналогичный показатель для 10% населения с самыми низкими доходами, по расчетам Федерального агентства государственной статистики, в 2004 году в 14,8 раза (коэффициент фондов) – против 14,5 в 2003 году и 14,0 в 2002 и 2001 годах [Россия в цифрах. 2005. С. 102]. При этом на долю 20% наименее обеспеченного населения в 2004 г. приходилось лишь 5,5% общего объема денежных доходов, а на долю 20% самого обеспеченного – 46,4% [Россия в цифрах. 2005. С. 110].

* <http://pda.utro.ru/news>

** <http://www.demoscope.ru>

Несмотря на рост в последние пять лет показателей, характеризующих уровень жизни населения России, уровень реальных денежных доходов людей остается крайне низким – он примерно на четверть ниже уровня, сложившегося к началу периода экономических реформ

Неуклонно растет и показатель концентрации доходов – коэффициент Джини*. В 2000 г. его значение было 0,395; в 2001 и в 2002 – 0,398; в 2003 – 0,402; в 2004 – 0,406. Для сравнения: в 1992 г. этот показатель был 0,289, в 1995-м – 0,387 [Россия в цифрах. 2005. С. 110].

Итак, статистика свидетельствует, что уровень материального благосостояния наших сограждан в последние пять лет медленно, но неуклонно, без скачков и срывов, рос. Посмотрим теперь, как выглядят эти годы, и в частности последний, 2005-й, в оценках россиян.

Годы плохие и хорошие

Для большей части наших сограждан (47%) 2005 год в личном плане был таким же, как и предыдущий, 2004 год. Этот показатель практически не меняется с 2002 года. Однако по соотношению позитивных и негативных оценок 2005 год выглядит существенно лучше 2004-го. Примерно в полтора раза (с 22% до 32%) выросла доля тех, кто сказал, что уходящий год лично для него был лучше, чем предыдущий. Одновременно с 28% до 19% сократилась доля тех, для кого уходящий год был хуже предыдущего (рис. 1).

По соотношению этих показателей наиболее благополучными выглядят 2003 и 2005 годы, а наименее благополучными – 2000, 2002 и 2004-й (табл. 3).

Как и ранее, в 2005-м чаще, чем в среднем по выборке, объявляли уходящий год “лучшим” для них люди в возрасте 18–35 лет (48%) и те, чей ежемесячный доход превышает 3000 рублей (36%). Кроме того, в 2005 г. оптимистичные оценки чаще, чем в среднем, стали давать жители городов с населением менее 1 млн человек, а жители городов-миллионников несколько чаще “среднего россиянина” заявляли, что они прожили этот год так же, как предыдущий (ранее в мегаполисах было заметно больше, чем в среднем, тех, для кого уходящий год был лучше). Можно предположить, что позитивные сдвиги в экономике стали ощутимыми в повсе-

Табл. 3

	Соотношение оценок года: лучше/хуже для граждан
2000	1
2001	1,6
2002	1,2
2003	1,8
2004	0,8
2005	1,7

Рис. 1

* Коэффициент Джини – показатель, характеризующий степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов населения от линии их равномерного распределения. Величина коэффициента может варьироваться от 0 до 1, при этом, чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы в обществе [Россия в цифрах. 2005. С. 97].

Рис. 2

дневной жизни людей не только в столицах или крупных промышленных и административных центрах, но и в городах поменьше.

Доля позитивных оценок уходящего года “для России” в 2005 г. увеличилась по сравнению с 2004 г. с 16% до 28%. Одновременно уменьшилась доля негативных оценок – с 26% до 17% (рис. 2).

Однако соотношение позитивных и негативных оценок, несмотря на существенное улучшение по сравнению с 2004 г., все-таки хуже, чем было в 2003 году (табл. 4).

В 2005-м, как и в 2004-м, чаще, чем в среднем по выборке, уходящий год называют “лучшим” для страны молодые респонденты (35%). А оценки людей с высшим образованием и жителей больших городов с преимущественно негативных сменились на преимущественно позитивные (31% и 33% соответственно).

Для того чтобы получить интерпретации полученных оценок, респондентов – в форме открытого вопроса – попросили: “Объясните, пожалуйста, чем именно для России 2005 год был лучше/хуже 2004 года” (аналогичный открытый вопрос задается в конце каждого года).

Те, кто дал 2005 г. позитивную оценку, говорили о повышении уровня жизни россиян (“маме зарплату перестали задерживать”; “народ улучшает свой быт, больше тратят денег на питание, одежду, поездки”) – 8%; о снижении инфляции и безработицы, выплате внешнего долга и развитии производства, улучшении состояния экономики в целом (“больше достижений в промышленности, в сельском хозяйстве...”; “заработала оборонная промышленность”; “цены на нефть поднялись, вырос стабилизационный фонд, золотой запас стал больше”) – 6%, о появлении стабильности (“стабильность, а значит, и надежда на лучшую жизнь”) – 3%.

В предыдущие годы в ответах на вопрос о положительных итогах года первые два места (по числу ответов) тоже занимали суждения либо об успехах в экономике в целом, либо о повышении уровня жизни россиян, а третье – высказывания о конструктивной деятельности президента и правительства, ориентированной на достижение стабильности и порядка. Примерно такой же была и структура ожиданий населения, адресованных новой власти в 2000 году. В “наказах В. Путину”, в ответах на вопросы об их личных проблемах и проблемах страны, о страхах и ожиданиях

Табл. 4

Год	Соотношение оценок года: лучше/хуже для страны
2000	1,4
2001	3
2002	1,2
2003	3
2004	0,6
2005	1,6

* С мая 2000 г. ФОМ регулярно задает россиянам открытый вопрос: “Если бы у Вас была возможность высказать свое мнение В. Путину, что бы Вы посоветовали ему сделать в первую очередь?”

Четные годы не отмечены какими-то особыми провалами в экономике, а материальное положение людей, как нам говорят статистики, все эти годы медленно, но неуклонно росло. Конечно, уровень жизни значительной части населения низок, но в четные годы он не был ниже, чем в нечетные

россияне задавали иерархию задач, адресованных высшему руководству страны. Эта иерархия выглядела в 2000 году следующим образом: 1 – “поднять жизненный уровень населения, решать социальные проблемы”; 2 – “создать эффективный механизм государственного управления”; 3 – “стимулировать развитие экономики, обеспечить занятость населения”; 4 – “решать проблемы образования, науки, здравоохранения”; 5 – “закончить войну в Чечне”; 6 – “воссоздать сильную державу”. Близость аргументации тех, кто отмечает перемены к лучшему, с одной стороны, и пожеланий граждан к руководству страны – с другой, означает, по-видимому, что в целом деятельность президента и правительства соответствует ожиданиям населения.

Чем же объяснить в таком случае заметные “провалы” в оценках 2002 и 2004 годов? Строго говоря, 2000 год, если судить по самооощущениям россиян, тоже был не лучшим: по соотношению оценок – и “для себя”, и “для страны” – он тоже уступает нечетным годам.

Попробуем поискать объяснения в высказываниях самих респондентов. Примерно половина тех, кто объяснял, почему 2005 год был для страны, на их взгляд, хуже предыдущего, говорили о проблемах экономики: росте цен, инфляции, отсутствии заметного роста производства, безработице (“не построено ни одного предприятия”; “нет развития производства, все вывозят за границу”) – 8%. Про снижение уровня жизни людей сказали 3% опрошенных (“упростых людей жизнь ухудшается, зарплату прибавляют так, что ее ни на что не хватает”). Столько же респондентов упоминают другие социальные проблемы (рост цен на услуги ЖКХ, монетизацию льгот и др.). Немногие говорили об отсутствии законности и порядка, росте коррупции, усилении терроризма, отсутствии стабильности, вспоминали аварии, катастрофы, стихийные бедствия. В предыдущие годы структура высказываний респондентов на эту тему была сходной.

Четные годы не отмечены какими-то особыми провалами в экономике, а материальное положение людей, как нам говорят статистики, все эти годы медленно, но неуклонно росло. Конечно, уровень жизни значительной части населения низок, но в четные годы он не был ниже, чем в нечетные. Почему же и в “плохие”, и в “хорошие” годы доминирующими обоснованиями негативной оценки уходящего года являются материальные условия жизни?

Мы предполагаем, что основаниями для оценок прожитого года “для себя” и “для страны” являются обыденные типизации – принятые в данном обществе в данное время устойчивые субъективные определения ситуаций, явлений, своих и чужих поступков (А. Шютц, П. Бергер, Т. Лукман). Практика повседневного общения строится на базе таких типизаций. Типизации используются субъектом в предположении, что природа и принципы наших интерпретативных схем одинаковы. Поэтому незнакомые люди а) поймут твоё объяснение и б) в сходной ситуации поведут себя ожидаемым образом. Так, нормативное давление заставляло людей при социализме объяснять свою привязанность к данному месту работы “хорошим коллективом” или “содержанием труда”, а не “высоким заработком”. Капитализм легализовал материальный интерес, и потому, например, объяснение плохого настроения недостатком денег стало самым удобным, поскольку предполагается, что такое объяснение – общепринятое и вполне понятное для другого.

Проясняют ситуацию ответы на другой вопрос: “Среди плохих событий, произошедших в России в... году, какое Вы назвали бы событием года?” Редкая для ответов на открытые вопросы концентрированность на одной теме – характерная особенность ответов на этот вопрос в 2000, 2002 и 2004 годах.

* См.: Климова С. Наказы россиян президенту: личные и общегосударственные проблемы // www.fom.ru. Очерки. Поле мнений. 24 января 2001 г.

Вот эти темы: 2000 г. – авария на АПЛ “Курск” (47%). Даже в конце 2001 года респонденты по-прежнему вспоминали “Курск” чаще других плохих событий. Следующий четный, 2002 г. – захват заложников в театральном центре на Дубровке (63%); 2004 г. – трагедия в Беслане, другие теракты (57%). То, что в нечетные годы, когда не было таких ужасных событий, не было и такой концентрации на чем-то одном в ответах респондентов, неудивительно. Примечательным и весьма важным является то, что негативный “шлейф” этих событий сохраняется и в последующие годы. Так, в числе плохих событий 2005 г. респонденты называли не только захват боевиками Нальчика (больше всего ответов), но и “отголоски Беслана”, последствия бесланской трагедии.

Участники фокус-групп*, вспоминая плохие события 2005 г., упоминают Беслан как недавнее событие.

1-й участник: *События в Беслане были.*

2-й участник: *Нет, это было в 2004-м.*

3-й участник: *Да, это в том году было.*

1-й участник: *Год прошел, но как бы перетекает это событие как-то. Оно-то было в конце года, но не так. И о нем все время говорили*” (ДФГ, Самара).

1-й участник: *В сентябре – в Беслане. Сколько там народу, детей погибло.*

2-й участник: *Это в прошлый год. А мы – за этот год*” (ДФГ, Новосибирск).

А 2004 год, самый плохой по соотношению позитивных и негативных оценок, выделяется тем, что Беслан стал концентрированным выражением опасности и нестабильности жизни; другие негативные события, менее трагичные и менее существенные, стали как бы “подверстываться” к нему. Это настроение хорошо выразил один из респондентов, отвечавших на открытый вопрос в конце 2004 года: *“внутреннее состояние страны, народа пошатнулось от ряда трагедий”*.

Жизнь страны в жизни семьи: чужая боль как своя

Как видно из приведенной ниже таблицы, существует прямая связь между оценками уходящего года “для себя” и “для России”: те, кто считает, что для страны 2005 год был лучше 2004-го, чаще так же оценивают его и для себя (табл. 5). Те же, кто считает, что 2005 год для России был хуже, в большинстве случаев дают негативные оценки и своей личной ситуации.

Оценки личной ситуации всегда связаны с оценками ситуации в стране. Те, кто считает, что для страны уходящий год был лучше/хуже предыдущего, чаще оценивают его соответственно как лучший/худший для себя. Отчасти это может быть проекцией своего личного положения на положение страны. Отчасти же –

Табл. 5

% от групп (по столбцам)

	Население	Считают, что для России 2005 год по сравнению с 2004 годом был			
		лучше	таким же	хуже	затрудняюсь ответить
Доли групп, %	100	28	38	17	17
Если говорить в целом, то каким лично для Вас был уходящий 2005 год – лучше, хуже или таким же, как прошедший 2004 год?					
Лучше	32	55	23	19	25
Таким же	47	34	59	36	52
Хуже	19	10	16	43	20
Затрудняюсь ответить	2	1	2	2	4

* Дискуссионные фокус-группы в Москве, Новосибирске и Самаре 6–13 декабря 2005 года.

Как заметил один из участников массового опроса в конце 2004 г., “внутреннее состояние страны, народа пошатнулось от ряда трагедий”

Те, кто считает, что для страны уходящий год был лучше/хуже предыдущего, чаще оценивают его соответственно как лучший/худший для себя

**“Плохие” для страны
четные годы
ощущаются людьми
как “провальные”
для них лично**

обратной проекцией: представления об общенациональном благополучии или, напротив, неблагополучии отражаются на оценках собственного положения. Это могут быть общественные условия, напрямую влияющие на оценки собственной ситуации (такие, например, как инфляция, падение производства и деловой активности, вызывающие безработицу, и др.). Но могут быть и опосредованные влияния, вызванные, например, оценками или прогнозами авторитетных лиц, событиями, непосредственно не затрагивающими рядовых граждан и даже, иногда, еще не произошедшими, но воспринимаемыми как потенциально возможные. На рост оптимизма могут повлиять, к примеру, рассказы об укреплении экономики страны (по типу “великих строек коммунизма”), а на рост пессимизма – истории о различных несчастьях и неудачах.

Обратим внимание на тот факт, что “плохие” для страны четные годы ощущаются людьми как “провальные” и для них лично. Эта связь не могла быть “наведена” ситуацией опроса: в блоке вопросов об итогах года вопрос об оценке года “для себя” задавался первым. Плохие оценки, как мы видели, чаще всего объясняются материальными трудностями, которых вовсе не было больше в четные годы. А были в эти годы три трагедии общенационального масштаба – “Курск”, “Норд-Ост” и Беслан, – которые, конечно, не могли *непосредственно* затронуть ближайшее окружение такого большого числа людей и поэтому, казалось бы, не должны были сказаться на том, как оценивались респондентами соответствующие годы “для себя”. Многие “вспоминали” о них, лишь отвечая на прямой вопрос о плохих событиях года. У нас нет данных, объясняющих, почему люди чаще негативно оценивают “для себя” годы, отмеченные общенациональными трагедиями. Можно лишь предположить, что ощущение горя или диффузной угрозы, существующее за рамками рациональных определений ситуации, сказывается на восприятии человеком своей личной жизни даже тогда, когда она не затронута этой бедой. Примечательно в этом отношении высказывание одного из участников ДФГ о своей реакции на известие об аварии батискафа “Приз”.

“Да, батискаф вот этот. Тоже думалось, что, как с “Курском”, не вытащат их. Я пришел домой, слышу эту информацию, перекрестился, говорю: “Ну, Господь помоги, чтоб ребята живые остались”” (ДФГ, Самара).

Если это так, то хорошие события в жизни страны тоже, вероятно, сказываются на уровне “личного” оптимизма граждан. В подтверждение этой гипотезы у нас тоже нет данных, есть лишь некоторые наблюдения, позволяющие считать это предположение не беспочвенным.

Возможно, не слишком высокие (во всяком случае, не дотягивающие до уровня 2003 г.) оценки 2005 г. определяются не только наличием плохих событий, но и отсутствием хороших. Респонденты, отвечавшие на открытый вопрос: “*Какое из произошедших в России в 2005 году хороших событий Вы назвали бы событием года?*” (26%), чаще всего упоминали юбилеи, праздники, фестивали, спортивные достижения – 7%. Юбилеи (в частности, самый громкий – 60-летие Победы) это, строго говоря, не события, а отражения других событий, бывших в прошлом. Событий в 2005 г. фактически не было, поэтому те, кто не считал таковыми праздники, воспроизводили ответы на вопрос о “хороших” несобытийных итогах года. Увеличение зарплат, пенсий, пособий отметили 5% опрошенных. О достижениях в экономике сказали 3% (“*где-то, говорят, заводы восстанавливаются...*”). Столько же респондентов вспомнили о тех или иных событиях политической жизни. Некоторые говорили также об успехах в международных делах, ссылались на заботу о людях, укрепление законности и порядка.

Участники фокус-групп, размышляя об итогах года, часто говорили, что их лично обнадеживает (либо порождает у них пессимизм) происходящее “на улице”,

с другими людьми. Работает механизм социального сравнения, который можно представить в виде следующего размышления: “если нечто (плохое или хорошее) происходит с другими людьми, такими же, как я, значит, со мной может произойти нечто подобное”.

1-й участник: *Я заметила, что маленьких детей стало больше, рождаемость повышается. Это хорошо. Это очень хорошо.*

2-й участник: *Садики немногие возродились. Так в них предприниматели и ошвиваются. В школах еще учителям не добавили, хотя обещают с этого года. И медработникам, только участковым врачам, а остальным – нет. Люди за этот год положительных эмоций немного испытали. Так же, как я. В общем, безрадостный какой-то год прошел. Радости особой не добавил.*

3-й участник: *Постоянно растущие цены. Это беспокоит.*

4-й участник: *Мне кажется, работы больше стало. Везде требуются, требуются – вот “Навигатор” наши посмотреть.*

5-й участник: *По сравнению с 2004 годом, в принципе, никаких изменений.*

Модератор: *Ни в лучшую, ни в худшую сторону?*

5-й участник: *Нет. Все так же проскрипело”* (ДФГ, Новосибирск).

Когда надежды не сбываются

Оценки (положительные или отрицательные) какого-либо события или череды событий, произошедших за какой-то отрезок времени, зависят от точки отсчета. Такой точкой может быть исходное состояние, и тогда оценивается динамика событий относительно этого состояния. Точкой отсчета для оценки успехов Советского Союза был, как известно, 1913 год. Для современной России точкой отсчета является 2000 год. Население связывало с приходом к власти нового президента надежды на окончание “смутного времени” – периода социальной и экономической нестабильности. Желание быстрых изменений к лучшему породило завышенные ожидания и быстрые разочарования. Именно поэтому в конце 2001 года, как видно из приведенной ниже таблицы, была самой большой доля тех, чьи надежды не оправдались в уходящем году, и самой маленькой – доля тех, кто от этого года ничего не ждал (табл. 6).

Опрос, проведенный в конце 2005 г., зафиксировал существенный рост по сравнению с 2004 г. числа тех, кто уверяет, что не ожидал от уходящего года ничего хорошего. Доля тех, чьи хорошие ожидания оправдались, осталась практически неизменной – 16%. Позитивным сдвигом можно было бы считать значительное уменьшение доли респондентов, чьи надежды и мечты не сбылись. Но ведь они перешли в группу тех, кто перестал на что-либо надеяться, а не тех, чьи ожидания оправдались.

Естественным является вопрос: что лучше – когда надежды многих людей не сбываются (ситуация конца 2001 года) или когда люди ни на что не надеются

Табл. 6. **Припомните, пожалуйста, что хорошего Вы ожидали от ... года для России, и оправдались или не оправдались Ваши ожидания? *** % от групп (по столбцам)

	2001	2003	2004	2005
Ничего не ожидал(-а)	15	28	25	39
Оправдались	22	23	16	16
Не оправдались	54	39	50	39
Затрудняюсь ответить	9	10	8	9

❖ В 2000 и в 2002 годах вопросы об ожиданиях хорошего и плохого в жизни страны не задавались.

(ситуация конца 2005 года)? Или плохи оба варианта? Для того чтобы разобраться в этом, обратимся к понятию “относительная депривация”.

Когда аналитики говорят об относительной депривации как о механизме, запускаящем процессы социальной нестабильности, они имеют в виду не только материальные условия, но и другие элементы качества жизни. Понятие “относительная депривация” используют, во-первых, для того, чтобы описать ситуацию, при которой люди утрачивают необходимые ресурсы и лишаются возможности поддерживать привычный образ жизни. Этот тип относительной депривации можно обозначить как “депривацию жизненных стандартов”. Кризис конца 80-х – начала 90-х годов породил в основном именно эту форму депривации.

Вторая ситуация, провоцирующая развитие синдрома, складывается тогда, когда формируются новые жизненные стандарты, повышенные притязания и надежды, но люди не обладают достаточными ресурсами для реализации своих претензий. Этот тип можно назвать “депривацией надежд”. Самым убедительным исследованием на эту тему является исследование В. Магуна, который показал, что у нового поколения юношей и девушек в первой половине 90-х годов устойчиво росли жизненные притязания, связанные с тремя компонентами их будущего социального статуса: властью, престижем и богатством. В. Магун говорит даже о “революции возросших притязаний” [Магун В. 1996. С. 29–48]. Он объясняет рост притязаний появлением новых возможностей для имущественной и социальной мобильности. Известно, что высокий уровень притязаний стимулирует активность. Поэтому высокие притязания считаются позитивным фактором развития общества. Но возросшие ожидания повышают риск разочарований и фрустраций, чреватых, помимо прочего, социальными конфликтами*.

Третья форма относительной депривации возникает тогда, когда надежды на первом этапе начинают оправдываться, но в дальнейшем реальность все более расходится с ожиданиями: темпы прироста ресурсов замедляются, тогда как претензии продолжают расти. Это тип “депривации ожидаемого темпа изменений”. Похоже, в конце 2005 года мы начинаем наблюдать развитие именно такого феномена.

В 2005 году несколько лучше, по сравнению с 2004 годом, выглядела и картина ретроспективных опасений: доля тех, кто сказал, что их страхи относительно ситуации в России подтвердились, оказалась существенно – практически вдвое – меньше (39% и 20%). Выросла больше чем на треть – с 30 до 49% – и доля тех, кто говорил, что ничего не опасался (табл. 7).

Конечно, утверждения об оправдавшихся хороших или плохих ожиданиях делаются задним числом, после того как произошли (или не произошли) какие-то

* Это обстоятельство подчеркивает В. Магун, ссылаясь на многочисленные зарубежные исследования. В них, в частности, речь идет о том, что общественным беспорядкам обычно предшествовали процессы быстрой модернизации и связанный с ними рост материальных притязаний.

значительные положительные или негативные события. Смутное беспокойство или тревога забывается, если не происходит плохого события, и подкрепляется, если такое событие происходит. С этой точки зрения данные 2004 года показывают значительный рост плохих ретроспективных ожиданий.

Факт такого “подкрепления” оценок можно проиллюстрировать данными *таблицы 8*. Как видим, те, кто дает уходящему году “для России” позитивные оценки, чаще утверждают, что их хорошие ожидания оправдались, а плохие – нет. Те же, кто дает плохие оценки, чаще говорят о несбывшихся надеждах и подтвердившихся опасениях, приписывая себе предвидение, что год будет плохим (по принципу “я так и знал”).

Сравнение приведенных данных с аналогичными за прошлый год позволяет сделать вывод о некотором росте оптимизма и снижении тревожности. Но основная доля оценок, как мы видим, приходится на тех, кто ничего не ждал, ничего не опасался и не заметил в стране каких-то существенных перемен ни к худшему, ни к лучшему. Можно сказать поэтому, что настроения россиян в конце 2005 года были ближе к тому, что мы назвали “депривацией ожидаемого темпа изменений”. На “языке улицы” это означает примерно следующее: “У нас нет плохих новостей, но хороших тоже маловато”.

Ресурс оптимизма

Подтверждает наличие феномена “депривации ожидаемого темпа изменений” динамика ответов на вопросы: “Как Вы полагаете, наступающий год лично для Вас будет в целом лучше, хуже или таким же, как уходящий год?” и “А как Вы думаете”

Табл. 7. Если Вы, думая о России, чего-либо опасались год назад, то Ваши опасения подтвердились или не подтвердились? % от групп (по столбцам)

	2001	2003	2004	2005
Ничего не опасался(-лась)	24	36	30	49
Подтвердились	29	25	39	20
Не подтвердились	34	25	17	13
Затрудняюсь ответить	13	14	14	17

Табл. 8 % от групп (по столбцам)

	Население	Считают, что для России 2005 год по сравнению с 2004 годом был			
		лучше	таким же	хуже	затрудняюсь ответить
Доли групп, %	100	28	38	17	17
Что хорошего Вы ожидали от 2005 года для России, и оправдались или не оправдались Ваши ожидания?					
Ничего не ожидал(-а)	39	29	43	41	46
Оправдались	16	28	11	14	10
Не оправдались	36	32	38	42	29
Затрудняюсь ответить	9	10	8	3	15
Если Вы, думая о России, чего-либо опасались год назад, то Ваши опасения подтвердились или не подтвердились?					
Ничего не опасался(-лась)	49	52	50	39	54
Подтвердились	20	12	20	40	17
Не подтвердились	13	20	12	10	9
Затрудняюсь ответить	17	16	18	12	21

У нас нет плохих новостей, но хороших тоже маловато

Всплеск ожиданий позитивных перемен в России наблюдался в конце 2000 года. Но уже на следующий год они стали заметно более скромными и остаются в течение пяти лет примерно на одном уровне

те, наступающий 2006 год будет для России в целом лучше, хуже или таким же, как уходящий 2005 год?»

Долю тех, кто уверен, что лично для него 2006 год будет лучше, можно считать такой же, как и в прошлом году (табл. 9). Несколько увеличилось (с 27% до 32%) число тех, кто уверен, что наступающий год для них будет таким же, а пессимистов, полагающих, что 2006 год будет хуже, стало немного меньше (было – 14%, стало – 10%). Динамика оценок, как видим, не слишком выразительна. Но если обратить внимание на соотношение доли тех, кто надеется на лучшее для себя, и доли тех, кто ожидает худшего, заметим, что это соотношение претерпело позитивные изменения по сравнению с 2004 годом, хотя и “не дотягивает” до показателя 2003-го.

Данные об ожиданиях перемен в 2006 г. показывают: как и ранее, молодые люди чаще (56%), чем россияне в среднем, считают, что 2006 год будет лично для них лучше 2005-го. Некоторый рост оптимизма по сравнению с 2004 годом заметен среди лиц с высшим образованием (41%) и жителей больших городов (43%).

О том, что следующий год будет таким же либо хуже, чаще говорят люди в возрасте от 55 лет (42% и 16% соответственно).

Динамика ожиданий, касающихся перспектив России в целом, соответствует динамике ожиданий “для себя”. Всплеск ожиданий позитивных перемен в России наблюдался в конце 2000 года. Но уже на следующий год они стали заметно более скромными и остаются в течение пяти лет примерно на одном уровне. В 2005 г. доля тех, кто ожидает лучшего для России, осталась приблизительно такой же, как и в 2004-м, но доля ожидающих худшего уменьшилась на 5 пп. Так же, как и для себя лично, для России в 2005 г. респонденты ждут перемен к лучшему существенно чаще, чем к худшему. По соотношению позитивных и негативных ожиданий 2005 год лучше предыдущего, но хуже всех других за последние пять лет (табл. 10).

Обратим внимание на то, что оптимистичных прогнозов “для себя лично” больше, чем “для страны” (36% и 30% соответственно). Это значит, что часть граждан уверены в своих силах, в том, что они смогут остаться “на плаву” или даже улучшить свою жизнь, несмотря на возможное ухудшение ситуации в стране. Большая же часть тех, кто говорит, что в стране дела пойдут хуже, одновременно прогнозируют и ухудшение личной ситуации. А те, кто рассчитывает, что для России наступаю-

Табл. 9. Как Вы полагаете, наступающий год лично для Вас будет в целом лучше, хуже или таким же, как уходящий год?

% от групп (по столбцам)

Наступающий год будет...	2000	2001	2002	2003	2004	2005
...лучше	46	36	38	39	37	36
...таким же	24	28	27	27	27	32
...хуже	11	7	11	6	14	10
Затрудняюсь ответить	20	29	24	28	22	22
Соотношение оценок лучше/хуже	4,1	5,1	3,5	6,5	2,6	3,6

Табл. 10. А как Вы думаете, наступающий год будет для России в целом лучше, хуже или таким же, как уходящий год?

% от групп (по столбцам)

Наступающий год будет...	2000	2001	2002	2003	2004	2005
...лучше	47	31	33	33	27	30
...таким же	18	27	25	27	29	29
...хуже	11	10	11	5	17	12
Затрудняюсь ответить	24	31	31	35	27	29
Соотношение оценок лучше/хуже	4,3	3,1	3	6,6	1,5	2,5

Табл. 11

% от групп (по столбцам)

	Населе- ние	Считают, что для России 2006 год по сравнению с 2005 годом будет			
		лучше	таким же	хуже	затрудняюсь ответить
Доли групп, %	100	30	29	12	29
Как Вы полагаете, наступающий год лично для Вас будет в целом лучше, хуже или таким же, как уходящий год?					
Лучше	36	73	21	13	21
Таким же	32	14	61	24	24
Хуже	10	2	7	50	6
Затрудняюсь ответить	22	11	12	13	49

щий год будет лучше, ждут того же и для себя лично (табл. 11). Те респонденты, чья жизненная ситуация, по их прогнозам, не изменится, предрекают стабильность и для страны.

Мы видим, что доминанта высказываний о себе и о стране – “я такой, как все”. В общении с интервьюером – чужим человеком (возможно, представителем каких-то влиятельных структур) – люди стараются придерживаться “общепринятых” норм. Обратим внимание: высказывания типа “в стране будет лучше, а у меня хуже” и “в стране будет хуже, а у меня – лучше” редки. Такая “социальная мимикрия” особенно очевидна в ситуации прогноза. Говорить, что год будет для меня хуже, когда всем будет хорошо или “так же” – значит накликать беду. Говорить, что в личной жизни непременно наступят какие-то хорошие события – на неблагоприятном общенациональном фоне, – значит показаться нескромным или “спугнуть удачу”. Отвечавшие на открытый вопрос “Почему Вы думаете, что для России 2006 год будет лучше/хуже 2005 года?” чаще всего обосновывали свою точку зрения соображениями материального свойства: улучшается/ухудшается экономическая ситуация; будут повышены зарплаты и пенсии/вырастут цены и т.п. [Шмерлина И. 2005.].

Это означает, что материальные условия жизни остаются главной заботой россиян. Материалы ДФГ показывают, что повседневные заботы людей в начале наступившего года связаны с работой жилищно-коммунальных служб, очередным повышением цен на услуги ЖКХ в связи с реформами в этой сфере. Но когда речь заходит о перспективах страны, вновь возникают проблемы, актуальные и пять лет назад: 1 – безопасность; 2 – развитие экономики, главным образом высокотехнологичного, наукоемкого производства; 3 – эффективность государственного управления; 4 – развитие институтов гражданского общества. Некоторые участники фокус-групп говорили о том, что решение экономических проблем страны связано с консолидацией общества. Они сетовали на апатию, пассивность людей, которые не могут объединиться, чтобы заявить о своих претензиях властям.

1-й участник: *Сейчас Чубайс еще отключит электричество, когда мороз.*

2-й участник: *И на птицеферме выключит, вредитель.*

3-й участник: *Уже объявили, что повышение опять коммунальных услуг, транспорта, а зарплата стоит на месте. Опять начинаешь выживать. Только приспособишься чуть-чуть – планку повышают.*

4-й участник: *Самое главное – не было бы никаких терактов, таких очень сильных.*

2-й участник: *Да, это самое главное.*

* Известно, что, например, обсуждение ожидаемого рождения малыша в семье – это интимное дело, в котором не приветствуется участие посторонних. Исключение – ситуации, когда ясно, что какое-либо событие непременно завершится благополучно (например, закончится обучение в вузе).

Материальные условия жизни остаются главной заботой россиян

5-й участник: *Заводы, фабрики останавливаются, практически это те специалисты, которые... уходят в эти коммерческие структуры. Поэтому я считаю, что у нас не будет клучишему идти ничего, пока не будем свою продукцию делать сами.*

2-й участник: *Надо создавать политическую систему.*

3-й участник: *И законы чтобы действовали.*

5-й участник: *Надо... создавать гражданское общество* (ДФГ, Москва).

“1-й участник: *Я посмотрю после Нового года, когда квитанции получим.*

2-й участник: *Чубайс сказал, что отключит Москву, я сама слышала. А потом сказал: “Чтобы этого не было, давайте деньги”.*

1-й участник: *“А потом, – говорит, – лампочка погаснет”. Но никто ж не знает...*

3-й участник: *Вот я про завод скажу. Вот ЗИЛ – его уже практически нет, наверное, скоро закроют.*

1-й участник: *Никаких таких товаров с надписью: “Made in Russia” вы не увидите новых. Будут качать и вывозить вовсю. Страна на вывоз. Никаких новых технологий, никаких новых предприятий, ничего. Политика одна и та же.*

4-й участник: *Хотелось бы, чтобы были перемены. Чтобы народу все-таки открылись глаза на Жириновского, на Хакамаду, на СПС открылись глаза.*

3-й участник: *Жириновского давно уже большинство раскусило, Хакамаду вообще я не помню, когда видел последний раз. Мы на заводе тоже это все обсуждаем. То есть для людей это важно.*

2-й участник: *Можно я скажу? Вот у нас беда в том, что мы вот так только все обсуждаем.*

1-й участник: *А потом начинаешь такого человека спрашивать: “Ты на выборы ходил?” – он говорит: “Да что там делать?”*

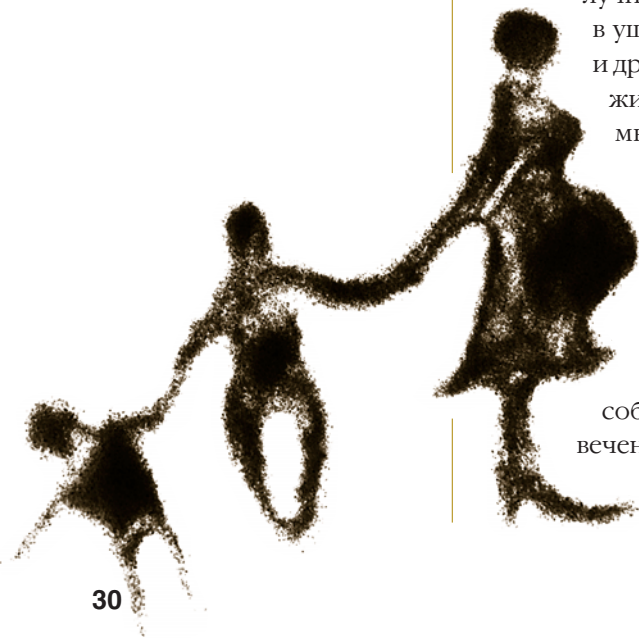
3-й участник: *Что мы можем, скажите?..*

2-й участник: *Вот как во Франции, вышли бы на улицу. У нас почему профсоюзов нет? А у нас профсоюзов нет, кстати.*

1-й участник: *Сказал Высоцкий: “Настоящих буйных мало, вот и нету вожakov”* (ДФГ, Самара).

Заключение

За последний год несколько вырос оптимизм и снизился уровень тревожности россиян. Но общая ситуация в стране хотя и выглядит более или менее благополучной, не воспринимается как устойчивая. Плохих событий в России в ушедшем году было немного. Но и хорошие были в дефиците. И те, и другие существенно влияют на оценки гражданами своей собственной жизни, даже если они происходят с незнакомыми людьми. Механизмы социального сравнения работают, когда люди пытаются ответить на вопрос: “Может ли нечто, что произошло с другими, произойти и со мной?” Именно на этот вопрос отвечает, если говорить о позитивном сценарии жизни, вечный сюжет о Золушке, трансформированный, например, в идею “американской мечты” и связанную с ней индустрию. В нашей стране и жизнь, и идеологемы, поставляемые СМИ, предлагают обществу в большом количестве негативные сценарии, и люди вынуждены признавать, что плохие события, случившиеся с другими (обманутые покупатели жилья, изувеченные солдаты, жертвы преступников), вполне могут случиться и с ними. Пожалуй, достойно удивления, что в такой ситуации в стране вообще есть оптимисты.

Можно допустить, что поводом для некоторого осторожного оптимизма могли стать национальные проекты, объявленные под конец 2005 года. Они лишь вскользь упоминаются на фокус-группах, и потому не стали для нас объектом отдельного анализа. Люди еще не увидели их практической реализации, они остались “на обочине” оценок прошлого года и прогнозов на будущее.

В последние годы, если судить по ответам на открытые вопросы и материалам фокус-групп, не произошло заметных изменений в стандартах качества жизни, которые влияют на оценки и прогнозы. Эти стандарты предполагают отдельное жилье, возможность получать своевременное лечение и давать образование детям, ежегодный отдых. Немаловажно, что в стандарт “хорошей жизни” входит соответствующая специальности и квалификации человека работа, которая все это обеспечивает. Наши исследования, посвященные “среднему классу”, “работающим бедным” и “челнокам”^{*}, показывают, что жизненные сценарии, предполагающие материальное благополучие ценой потери квалификации и отказа от профессии, как правило, не считаются удачными. И данные массовых опросов, и материалы фокус-групп свидетельствуют, что сохраняется, хотя и в менее острой форме, чем в предыдущие годы, проблема низкой востребованности квалифицированного труда. Труд, соответствующий квалификации, и достойная его оплата связываются в размышлениях респондентов с развитием высокотехнологичного производства, отказом от преимущественно сырьевой ориентации экономики.

Оценки личной жизни и жизни страны учитывают не только вектор, но и темпы изменений. Если говорить о материальных условиях жизни, то индикаторами темпов изменений могут быть принципиальная возможность покупки какого-то имущества (квартиры, машины) и количество времени, необходимого для зарабатывания соответствующих средств. Наглядными показателями темпов перемен в жизни страны застойных времен были “объекты долгостроя” – поросшие деревьями бетонные колоссы, начатые и брошенные теми, кто “осваивал” государственные деньги. Для последнего времени индикаторами темпов и вектора перемен могли бы быть “великие стройки капитализма” (например, порт в Усть-Луге).

Нематериальные условия жизни предусматривают – для высокоресурсных групп населения – возможность влиять на события собственной жизни и жизни страны. Участники фокус-групп сетовали на низкую социальную активность людей. Но, если судить по снижению электоральной активности населения в последние годы, все больше россиян сомневаются в том, что у них есть возможность влиять на судьбу своей страны. ■

Литература

- Козырева П.М., Герасимова С.Б., Киселева И.П., Низамова А.Э. Эволюция социального самочувствия россиян и особенности социально-экономической адаптации (1994–2001). // Россия реформирующаяся. М.: Academia, 2002.
- Магун В.С. Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 годы. // Социологический журнал. 1996. № 3–4.
- Россия в цифрах. Официальное издание Росстата. М., 2005.
- Суринов А.Е. Уровень жизни населения России: 1992–2002 гг. М.: ИИЦ “Статистика России”, 2003.
- Шмерлина И. Предновогодние прогнозы – вчерашние и сегодняшние. // Доминанты. Поле мнений. 2005. № 51.

^{*} Климова С. Российский средний класс: критерии отнесения и самоидентификации // www.fom.ru. Доминанты. Поле мнений. 2004. № 7. Климова С. Работающие бедные в России: кто они и где ищут выход // Доминанты. Поле мнений. 2004. № 19–21. Климова С. Челноки: бегство от нужды или погоня за шансом // Социальная реальность. 2006. № 2. С. 26–41.

За последний год несколько вырос оптимизм и снизился уровень тревожности россиян. Но общая ситуация в стране хотя и выглядит более или менее благополучной, не воспринимается как устойчивая